

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ
ПАГУБА

Книги Сергея Малицкого
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**КОМПРЕССИЯ
ВАКАНСИЯ
ПАГУБА**

Цикл
«АРБАН САЕШ»

**МИССИЯ ДЛЯ ЧУЖЕЗЕМЦА
ОТСЧЕТ ТЕНЕЙ
КАМЕШЕК В ЖЕРНОВАХ**

Цикл
«КОДЕКС ПРЕДСМЕРТИЯ»

**МУРАВЬИНЫЙ МЕД
ОПРАВА ДЛЯ БЕЗДНЫ
ПЕЧАТЬ ЛЬДА
ЗАБАВНИК**

Диалогия
«НИЧЕГО ЛИЧНОГО»

**КАРАНТИН
БЛОКАДА**

1891. 2011

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ

ПАГУБА

РОМАН

Москва, 2011
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

ПРОЛОГ

Ветер дул с перевала, сек дождем со снегом разрисованный яркими красками тент, добирался и до скорчившихся на козлах возниц. Слепой Курант прислушивался к хлюпанью воды под колесами повозки с опаской. Хоть и успели пройти самое опасное место, но начало зимы в горах есть начало зимы: заледеенеет дорога — и не спасут ни угольные подковы, ни крепкая еще упряжь, ни подбитые железом колеса. Последние так еще и ухудшат дело. Да и что полагаться на упряжь и подковы, если лошади немолоды? Еще сезон — и придется расставаться со старичками, с гнедым так уж точно. Самана еще месяц назад говорила, что жеребец смотрит на нее так, словно она должна ему десяток монет.

— Харас, — позвал Курант. — Харас, тлен в глаза!

Худой конопатый подросток, сидевший рядом, сдернул с рыжей макушки мокрый капюшон и посмотрел на старика, выстукивая зубами от холода.

— Я здесь.

— Я слышу, что ты здесь, — проворчал Курант. — Если замерз, поменяй рубаху, одеялом обернись под плащом. Дробь выбиваешь так, что в ушах звенит. Как лошади?

— Идут, — смахнул с лица брызги мальчишка.

— Это я тоже слышу, — поморщился Курант, задвигал бровями, стряхивая дождевые капли со лба. — Как они? Попоны хорошо затянул? Упряжь проверил?

— И попоны затянул, и упряжь проверил, и капоры поправил, все сделал, — терпеливо перечислил подросток. — Но через пару часов надо будет найти конюшню. Или шатер придется раскидывать над лошадками. Погода — дрянь.

— Слышу, — продолжил ворчать старик, протянул руку, потрогал поводья, зажатые в кулаке мальчишки, но перехваты-

вать их не стал. — Через десяток лиг будет стоянка в распадке. Возле оплота. Должен помнить. Внутрь лошадей заведем. Как дорога?

— Уже лучше, — поежился Харас и махнул рукой в сторону пропасти, за которой сквозь мутную непогоду начали проступать силуэты вершин. — Светает.

— Ушли от зимы, — закричал Курант. — Не скажу, что легко, но ушли. На равнине еще и солнышка попробуем.

— Куда мы теперь? — спросил мальчишка, вглядываясь в сумрак. — В столицу? Или пойдем по деревням?

— Тихо, — приподнялся, становясь похожим на облезлую птицу, старик. — Придержи лошадей.

Харас натянул поводья, и повозка, заскрипев, замерла. Остановилась в трех шагах от грязной скалы, в трех шагах от обрыва. Только всадник и проберется мимо. Чуть сдать правее — с трудом разъедешь с такой же повозкой, если ползет она к перевалу. Вот только лошадей под уздцы нужно брать, чтобы не рванули в сторону от черноты пропасти. Но не бывает в это время встречных повозок. И всадников не бывает. Никто не идет в эту пору в горы: ни пеший, ни конный. В горных деревушках запирают ворота, закрывают ставни, овец загоняют под крышу. Вот когда упадет снег, утихнет ветер, да на санях или снегоступах, может быть, и то...

— Всадники, — прошептал, вертя головой, подставляя ухо к ветру, старик. — Пятеро. Лошади или больные, или загнанные. Идут тяжело. Навстречу. С оружием.

— Ты слышишь? — не поверил Харас, вовсе сбрасывая на плечи капюшон. — Я ничего не слышу. Только ветер и дождь...

— Слушай и услышишь, — поджал губы старик, перехватывая поводья и понукая лошадей уйти левее, со скрипом вывертывая обода из наезженной за столетия колеи, пока борт повозки и оси колес не заскрежетали о скалу. — А ну быстро внутрь. Саману разбуди. И сиди там как мышь, носа не высывай, тлен в глаза. И Негу предупреди, чтобы не лопотала без толку.

Отзвуки, которые Курант умудрился уловить за лигу, выбравшаяся на козлы женщина с широким лицом расслышала минут через пять. Едва различимое цоканье копыт отражалось о скалы с противоположной стороны пропасти и мешалось с непогодой. Туман сполз в бездну, да и дождь со снегом ослаб,

стал просто дождем, но наступающий день не предвещал ничего хорошего. Ни тепла, ни солнца низкое небо не сулило. Впрочем, Самана знала точно: настоящая зима еще не близко, через пару десятков лиг в сторону равнины тот же дождь окажется просто дождем, а не небесной карой.

Пятеро конных появились расплывающимися тенями из-за поворота дороги один за другим. Не так давно их лошади были сильными и красивыми животными, но теперь они преодолевали последние лиги в жизни. Всадники выглядели немногим лучше. Самана, кутаясь в платок, ясно разглядела и изодранные плащи, и поврежденные доспехи, и изможденные лица. Курант услышал тяжелое дыхание, звон оружия, почувствовал запах крови.

— Никак слепой балаганщик? — Сквозь утомленный кашель вожака отряда послышалось удивление. — Курант? Ты давал представление у нас в Харкисе два года назад. Помнишь, еще выбил из моих рук меч? До сих пор не пойму, как тебе это удалось? Я же всегда считал себя лучшим мечником Текана!

— Я узнал твой голос, — сказал старик бородатому воину, щека которого была рассечена и прихвачена неумелым отекившим швом, да одна рука перевита окровавленными тряпками. — Ты старшина стражи клана Сакува. И действительно хороший мечник. Просто даже лучших воинов не учат сражаться со слепыми, мне же приходится испытывать умение зрячих. А не то ты бы, без сомнения, победил меня. Какие напасти гонят тебя к перевалу? Или Харкису уже не нужны воины?

— Харкиса больше нет, Курант, — мрачно заметил, сползая с лошади, воин. — Думаю, что слуги иши как раз теперь рушат его белые стены. Да что стены... Пять человек осталось от всего клана Сакува. Пять человек и... У тебя есть вода?

— И вода, и даже вино, — подтолкнул Саману, сдвинул брови над безглазыми впадинами старик. — Отчего иша ополчился на твой город?

— Кто его знает, — оперся о борт повозки воин, собрал с тента ладонью воду, мазнул ею по лицу. — Ты же помнишь, что Сакува всегда сами разбирались в своих делах?

— Как и предыдущие сто лет, — кивнул Курант. — Со времен последней Пагубы¹. Но гордость воинов Сакува ни одному

---

¹ П а г у б а — губительство, гибель; пропажа, убыток, утрата; мор, чума, падеж; беда, бедствие, злосчастье и др. См.: В. Даль. Словарь живого великорусского языка. — *Здесь и далее примеч. авт.*

ише не вставала поперек горла. Разве не служили в его гвардии лучшие из них?

— Всему когда-то приходит конец, — скрипнул зубами воин, принимая из рук Саманы кувшин вина. — И не только нашим малым вольностям, но и нам всем. Думаю, что гвардейцы иши, которые вышли из нашего клана, тоже мертвы. Как мертв и весь Харкис.

— Но как это случилось? — не понял Курант. — Мне всегда казалось, что славные ворота Харкиса устояли бы и перед слугами Пустоты. Можно было бы дать им отпор, а уж после уйти в горы, за горы, за Хапу, куда угодно!

— Воины иши пришли вместе со зрителем, — опустил голову воин. — Ты знаешь закон, Курант. Если не открыть ворота зрителю, может наступить новая Пагуба. Для всего Текана. Лучше открыть зрителю, чем увидеть под стенами города проклятое воинство. Хотя теперь-то уж... Но и ворота Харкиса считались крепкими только потому, что никто не испытывал их прочность. И слуги Пустоты в том числе, да хранит их она за своими багровыми стенами.

Воин передал кувшин ближайшему всаднику и отер губы рукавом.

— Три дня назад старший зритель Текана вошел в город с отрядом стражи, — начал он короткий рассказ. — Наш урай вышел навстречу ему с обнаженной головой, как требует закон. Но зритель не стал говорить с ним. Он поднял руку, и стражники расстреляли урая вместе с его свитой. Те, кто выжил после первого залпа, обнажили мечи, но в ворота уже входили новые отряды стражи. Они убивали всех. Да, мы сражались! Но на каждого нашего воина приходилось трое стражников властителя. И половина из них была с ружьями! Мы положили на улицах Харкиса не менее тысячи гвардейцев иши, но нас было слишком мало. И теперь не осталось никого. Ни мужчин, ни женщин, ни детей... Почти никого.

— Как в Араи, — пробормотал Курант.

— Не понял, — обернулся двинувшийся уже к коню воин.

— Его теперь называют проклятым городом, — сказал старик, теребя мочки ушей. — Много лет назад зритель пришел туда якобы для того, чтобы покарать нечестивцев, которые придумали себе богов и начали им молиться. Но горожане убили зрителя. И тогда началась последняя Пагуба. Для всего Текана. Она была длинной. Полгода слуги Пустоты

увлажняли землю Салпы человеческой кровью. Кстати, ворота Арай не устояли против них. Но воины клана Крови сражались даже с посланниками Пустоты. Безуспешно, впрочем...

— Мы не придумывали себе богов, — горько заметил воин. — Мы не нарушали законов иши и не оскорбляли ни Пустоту, ни властителя. И были готовы выполнить любое требование зрителя. Или почти любое. Ладно, что теперь... нам нужно спешить.

— Что же вы хотите найти там? — спросил Курант, махнув рукой за спину. — Перевал трудно пройти. Я едва успел перебраться на эту сторону. Сейчас наверху лед.

— Мы пройдем, — напряг скулы воин. — Наши кони устали, но на два десятка лиг их еще хватит. Мы ищем защиты у мудрецов Парнса. Говорят, даже иша склоняет голову перед их мудростью.

— Разве воин ищет защиты? — спросил Курант.

— Не для себя, — отрезал старшина.

— Вот как? — вытянул шею старик и снова замер, выставив ухо навстречу стихающему ветру. — Вы не успеете. Ведь вы спешите не просто так? Ваши преследователи уже близко. В полутора лигах. Я слышу их коней. Они стерегутся, идут медленно, но уверенно. И их кони свежи. Они будут здесь через четверть часа.

— Проклятье! — Воин оглянулся на спутников. — Ловчие иши. Я надеялся, что мы обогнали их на половину дня. Ты можешь их задержать, старик? Два года назад урай клана Сакува щедро вознаградил тебя за представление.

— Теперь я должен заплатить за его щедрость собственной жизнью? — помрачнел Курант. — И жизнью жены и двух пригретых мною сирот? Ты предлагаешь перегородить дорогу цирковым балаганом? Нет ли какой-то более посильной платы?

— Есть, — оживился воин и негромко свистнул. — Будь я болен до конца своих дней, есть.

К повозке подъехал один из всадников. Перед ним на лошади замерла маленькая фигура.

— Вот. — Воин подхватил здоровой рукой крохотного седока и поставил его перед повозкой. — Я хорошо помню твой балаган, Курант. Ты не только отлично фехтовал, не имея глаз. Ты еще показывал разные фокусы, к примеру, прятал человека в сундуке, да так, что сундук потом оказывался пустым. Спрячь этого малыша, он не заслуживает смерти.

— А вы пятеро заслуживаете? — сдвинул брови Курант.

— Открою тебе тайну. — Старшина понизил голос. — Это внук урая Сакува. Последний из гордого клана. Последний из клана Зрячих. Ему всего шесть лет. Его мать перед смертью приказала нам спасти мальчишку. Только поэтому я здесь, иначе бы я умер в своем городе!

— Но... — Старик нахмурился.

— Курант... — Самана стиснула мужа за локоть. — Он крохотный. Меньше Неги.

— Я слышал, что когда-то ты был воином, Курант? — с надеждой спросил старшина. — Бывших воинов не бывает. Да, воины не ищут защиты, но только воины могут защитить. Спасешь парня?

— Подожди, — раздраженно поднял руку Курант. — У нас еще есть несколько минут. Разве дочь вашего урая вышла замуж? Я ничего не слышал об этом.

— Этот ребенок рожден вне брака, — процедил сквозь зубы старшина, — но в нем все равно течет кровь рода Харти.

— Кто его отец? — недовольно обронил Курант, ощупывая сухими пальцами платок, которым было закутано лицо малыша.

— Тайна умерла вместе с матерью, — расправил плечи воин. — Запомни имя, балаганщик. Мальчика зовут Кир Харти. Он еще мал, но его духу могли бы позавидовать некоторые воины. Он был ранен, но не дал воли слезам. Ни одной жалобы мы не услышали от него за последние дни.

— Ладно. — Старик переплел пальцы, хрустнул суставами. — Самана, раздевай парня. Живо. Снимай с него все, и белье тоже. Старшина, ты не дойдешь до Парнса, но, если для тебя важно, чтобы мальчишка остался жив, бери его одежду и поторопись к дорожному алтарю. Он в трех лигах отсюда. Я чувствовал запах тления, мой приемыш бегал посмотреть, сказал, что на погребальном костре лежат двое путников — один из них ребенок лет семи. Пламя под несчастными было залито дождем. На дне пропасти ревет между острых камней речка, которую кличут Бешеной. Ты понимаешь, что нужно сделать, да простят меня мои предки?

— Поспешим! — крикнул воин, садясь в седло.

Через минуту последний воин из клана Сакува исчез за следующим поворотом дороги. Еще через десять минут двадцать

пять ловчих иши, остановив повозку старого циркача, перетряхнули все сундуки и мешки, грубо облапали жену старика и малолетнюю девчонку, а затем продолжили преследование беглецов. Через час солнце все-таки выглянуло ненадолго, чтобы осветить холодные камни, и Харас завел повозку на крохотную площадку с мокрым кострищем, где высился древний, покрытый мхом и выбоинами оплот — невысокая, закругляющаяся куполом башня с ржавой, но все еще прочной железной дверью. Подросток начал распрягать лошадей, и почти сразу же далеко в горах прогремел ружейный залп. Харас нахмурился, Самана выпрямилась, оставив костер, Курант прижал к глазницам ладони, словно не хотел видеть то, чего не мог увидеть и так, потом вытащил из поясной сумки бронзовые часы, поднял крышку, коснулся пальцами стрелок. Но выстрелы отгремели, и снова наступила тишь. Лошади были согреты, напоены и накормлены, и в котелке на костре забулькала вода. Еще через час десять потрепанных ловчих, десять лучших воинов иши, уцелевших из отправленных в погоню за беглецами двадцати пяти, снова остановились у повозки, чтобы еще раз перетряхнуть мешки и сундуки старика Куранта, а затем отправились вниз на равнину, предварительно прибрав найденные монеты, опрокинув котелок и порубив клинками яркие костюмы и маски, разбив кувшины и проткнув меха. Только после того, как затих стук копыт их лошадей, старик поднял крышку не самого большого сундука, вытащил какое-то тряпье и сдвинул в сторону фальшивое дно. Мальчишка лежал в той же позе, в какой его и положили в укрытие. Он и в самом деле не проронил ни звука.

— Иди ко мне, сынок, — взяла его на руки Самана.

— Я смогу с ним поиграть? — пискнула крохотная узкоглазая девчушка.

— Подожди, Нега, — осадилась малышка Самана. — Ему еще надо и облегчиться, и поесть, и попить, и помыться. К тому же у него рассечена голова, плечо и грудь напротив сердца. Хвала Пустоте, заражения вроде бы нет. Но полечить парня придется. Осталось только отыскать воду. Да и одежду надо подобрать, что-то из того, что стало мало Харасу и все еще велико тебе. Да зачинить... — Она вздохнула. — Или ты хочешь, чтобы он так и ходил завернутым в твое одеяло? Ты бы не глазела на мальчишку, а вытряхнула ковры и одеяла. Чтоб этим мерзав-

цам стало пустее пустого. Столько пришлось рассыпать вонючей травы, чтобы перебить им нюх да уменьшить похоть.

— А ведь воины Сакува дорого отдали свои жизни, — засопел Харас. — Слухи, что они — лучшие воины Текана, оказались верны.

— Зато слухи, что ловчие иши — воины чести, оказались лживы, — медленно проговорил Курант.

— Успокойся, — коснулась руки старика Самана. — Они нашли не все деньги. Только те, что мы специально оставили на виду.

— Он говорит не о деньгах, — буркнул Харас, бросив быстрый взгляд на Саману и на девчонку, скользнув взглядом по разодранным платьям. — Ничего. Я запомнил в лицо всех выживших. Никто...

Харас скрипнул зубами.

— Пострадала только одежда, — усмехнулась Самана. — Наверное, не глянулись мы с Негой гвардейцам правителя.

— Я их услышал, — прошептал Курант. — И тоже запомнил каждого, плен в глаза. Ты знаешь, сын, что мы должны будем сделать?

Харас кивнул.

— Как мы будем его звать? — прервала томительную паузу ежащаяся от холода девчонка, рассматривая бледного и напряженного зеленоглазого мальчишку.

— Луккай, — словно встряхнулся Курант. — Лук. Там, откуда я родом, так говорят, когда сквозь багровые тучи прорывается солнечный луч.

— Солнечный луч? — удивилась девчонка. — Да у него волосы чернее моих. Я даже не знала, что бывают такие черные волосы. Чернее ночи. Странно, что глаза у него зеленые. Как трава. Даже ярче травы. Никогда не видела таких глаз.

— Самана, — Курант ощупал голову мальчишки, — займись и его головой тоже. С сегодняшнего дня он должен стать светловолосым. Осмотри его тело: если увидишь родимые пятна, постарайся осветлить и их. И постарайся избавить его от шрамов, хотя, как мне кажется, на лбу отметина останется. Он и в самом деле терпелив. У тебя ведь найдутся подходящие травы?

— Не сомневайся, — улыбнулась женщина. — Меня другое беспокоит, а есть ли у него язык? Что-то наш Лук чересчур молчалив для своего возраста. Сынок, у тебя язык есть?

— Да, — кивнул мальчик и показал язык.

— Все ясно, — захихикала Нега. — Он будет показывать зрителям язык. А что? Ведь он больше ничего не умеет? Лук, а что ты умеешь? Я, к примеру, плаваю как рыба!

— Я умею сражаться мечом, — гордо отчеканил мальчишка, стараясь сдержать слезы в заблестевших глазах.

— Ну это все умеют, — скорчила гримасу Нега. — И Курант, и Харас, и Самана. И я тоже научусь. А чем ты хочешь заниматься, когда немного подрастешь?

— Я хочу убить их всех, — выпалил мальчишка.

— Для этого тебе придется стать слугой Пустоты, другого способа я не вижу, — скривил губы Курант, повернулся к Самане и вытянул пальцы. — Сядь поближе. Я давно не видел твоего лица. Хочу коснуться его. Соскучился.

Глава 1

ВОДЯНАЯ ЯРМАРКА

В первую неделю лета всякий житель Текана, что раскинулся от гранитных зубцов Западных Ребер до полноводной Хапы на востоке и от снежных пиков Южной Челюсти на севере до светлых волн моря Ватар на юге, мечтал оказаться у стен стольного Хилана. Каждому было известно, что только летняя водяная ярмарка может утолить любопытство, разогнать скуку и с пользой облегчить кошель всякого обитателя не только Текана, но и всей Салпы, будь он хоть подданный великого иши, поселенец из Вольных земель или вовсе отчаянный смельчак-дикарь с дальних гор или из Дикого леса. И то сказать, где еще дозволялось свободно торговать и прогуливаться между рядами чужеземцам? Где еще могли взглянуть друг другу в глаза почтенные арува и презренные луззи? Где еще звенели бубны и гудели трубы далеко за полночь? Где, без опаски послужить причиной пожара, выстреливали в небо красочные фейерверки? Где, почти не таясь мерзких храмовников, гадалки брались предсказывать судьбу? Наконец, где веселили народ лучшие бродячие артисты, которые не поддавались усталости и состязались друг с другом в усердии всю неделю, зная, что нигде не одаривает судьба их старание так полновесно, как на водяной ярмарке? Нигде.

Жаль только, пронеслась ярмарка быстро. Казалось, только что стражи Хилана расчищали берег Хапы от бродяг и попрошайек. Только что тянули веревки, чтобы разметить шатровый поселок, балаганную площадь и торговые ряды. Горопили выделенных цехами мастеровых с подновлением речной пристани под высоким известковым берегом, широкой лестницы наверх и с устройством отхожих мест, и вот в день-два набежала пропасть народу, подтянулись караваны, грянула музыка,

открылось торжище, и вслед за тем ярмарка перевалила за середину и стремительно полетела к своему последнему дню.

«Скорее бы уже она заканчивалась», — бурчал широкоплечий старшина северной башни Хилана Эпп. Нет, конечно, и стражам Хилана ярмарка была в радость — карманы наполнились медяками, которые легко обращались в серебро, но как раз в этом году старшине не повезло — воевода определил Эппу под надзор балаганную площадь. Нет бы назначил присматривать за торговыми рядами, так вот тебе, старый вояка, бди на потешном круге. Лучше бы воевода поставил ветерана, когда-то одного из лучших ловчих самого иши, простым стражником у северных ворот. Народ пер на балаганную площадь так, словно там разливали бесплатное вино, а приработка особого не было. Да и что возьмешь с зевак, у которых в кошелях звенят черепки от разбитых горшков? А если у одного из них кошель оттягивает серебро, к нему просто так не подступишься: или какой из кланов немедленно встанет за своего выкормыша, или кто из знати. А с циркачей много не стянешь, девять из десяти — нищета подзаборная, была бы воля Эппа — каждому бы отсыпал по полусотне плетей и гнал куда подальше от столицы Текана, а то и вовсе подвел к берегу Хапы и утопил всех. Кто бы выплыл, тот бы и выплыл, а если бы и выплыл, что за забота? За рекой, на этой стороне изгиба которой поднял высокие стены и раскинул слободки Хилан, — ничего хорошего не только циркачей, но и никакого другого пловца не ждало.

Далеко, как раз напротив уходящих в мутную воду стен столицы, чуть ли не в двух лигах бугрился оплывшими от времени горами Дикий лес, чуть севернее виднелся широкий прогал Блестянки, впадающей в Хапу, а выше по течению сизая дымка окутывала земли вольных поселенцев. Не раз прикидывал Эпп, выйдя на полупустое в обычное время торжище между слободками и стенами Хилана, о чем думает иша, глядя из окон дворца на земли непокоренных смельчаков? Каково это — править всесильным Теканом, поглядывая на близкие его границы? Неужели не хочется правителю посадить на корабли сотню-другую ловчих, чтобы проредили деревни наглцов — вольных поселенцев — до самых гор? Понятно, что прореживали, и не раз, но можно было бы это делать и почаще. Тем более что там всегда есть чем поживиться, всегда. Вольные — едва ли не самые богатые на нынешней ярмарке, и товар

у них на загляденье, и монета в кошелях не звякает, а кожу тянет. Боятся, то и дело оглядываются, а продают и покупают, продают и покупают. Разжирели без должного пригляда. И то сказать, не за их ли землями да за горами лежат Холодные пески, где золото, по слухам, чуть ли не под ногами валяется? Так или иначе, но хорошо вольные бросают циркачам, хорошо. Не пропали бы те в Вольных землях, пригласи их местные в гости. Но сами циркачи, сгони их Эпп в волны Хапы, до тех земель не добрались бы. Далековато плыть, да и доплыли бы — что с того? Снесло бы всю эту бестолочь течением к Дикому лесу, а в нем, как ни корячься, все одно — смерть. Это самому диким нужно быть, чтобы выжить в том лесу, даже ловчих не загонишь за реку просто так, да и что там делать? Там вотчина Хозяина леса, а он, этот Хозяин, по слухам, такая мерзость, что... Да и кто бы доплыл до противоположного берега, если Хапа раскинулась у Хилана так широко?

«Порядка стало мало, — ворчал Эпп, оглядываясь на сопровождающих его двух безусых еще стражников — медлительного увальня-здоровяка и суетливого малого. — И это разве воины? Юнцы зеленые, даром что отцы у них шрамами и почестями украшены. Эти никогда не дорастут до старшин, что уж там говорить о ловчих. Идут, разинув рты, словно мать их за сладостями на ярмарку послала. И никакого соображения в головах, никакой дрожи и благодарности в адрес судьбы, что дала им возможность родиться в славном Хилане, да еще не какими-нибудь там ремесленниками или крестьянами, а определила судьбу воинов клана Паркуи — клана Чистых, главной опоры не только урая Хилана, но и самого иши. На войну бы вас, да где ж теперь возьмешь войну?»

Эпп раздраженно сплюнул и дернул плечами. Порядок вынуждал ходить в кольчуге, хотя бы в кольчужнице-безрукавке, и, хотя лето только начиналось, солнце уже палило вовсю, и нательница была мокрой от пота. Вдобавок новые сапоги натерли ноги, да и колени отвыкли от ходьбы. Нет, уже не тот был возраст у старшины, чтобы вымеривать окрестности Хилана легким шагом, а до выслуги оставалось еще пять лет. Нет бы оседлать крепкого конька, да как раньше... Ничего, пройдет срок, и будет он снимать сапоги в первый жаркий день лета и надевать их только для выхода в город. И то сказать, зачем ему сапоги в крохотном, но ухоженном садике? Река рядом, значит, вода в колодце не иссякнет, поливай мягкую траву и ра-

дуйся. Только вот дожить бы еще до выслуги. Если судьба и на следующий год определит его к балаганщикам...

Потешная площадь вновь была многолюдна. Все-таки воевода не просто так назначил старшину дозорным при бродячих артистах: Эпп мгновенно выхватывал взглядом из толпы фигуру за фигурой и готов был без запинки рассказать хоть что-то о каждом. Сутулый селянин в овчинной шапке явно прибыл с севера, запах овечьего сыра от него бил в ноздри даже в толпе. Судя по цвету овчины, выходец с предгорий, что начинались сразу за Гиеной — вотчиной клана Асва — клана Лошади. Группка из трех селян с топорами за поясом, один из которых, украшенный шрамом на половину лица, был чуть повыше и постарше прочих, — вольные. Их сразу видно. И не ходят поодиночке, и одеты по-своему. Сапоги из хорошей кожи, одежда простая, но удобная, руки натруженные, но по осанке, по развороту плеч, по наглым, пусть и опасливым, взглядам — натруженные на себя: ни плетей не пробовали, ни корячиться до обморока не приходилось. Мальчишки, девочки по десятку лет на нос — местные, слободские. Здоровяки в кожаных жилетах с наклепанными на груди кругами с юга — из Хурная, вздымающего розовые башни у впадения Хапы в просторы Ватара. Тоже нагловатые — так оно и понятно: до трети года проводит иша в южном поместье, родина там у него. Сам когда-то был ураем Кессара — клана Руки. Недолго, но был. Неплохие воины кессарцы, только ходят враскорячку, как бывалые моряки, их, наверное, крутобортый корабль стоит у южного края пристани. Вот на таких зевак балаганщики рассчитывают больше всего, понравятся — позовут к себе. Оно, конечно, вольная жизнь хороша, но всяко лучше не наудачу коней править, а по приглашению. Так, а на площади-то опять не все ладно?

Эпп оглянулся, цыкнул на приставленных к нему ротозеев и ускорил шаг. Толпу у балаганов вновь перекосило. Повозки стояли кругом, отгораживая от шумного торжища лошадей и нехитрое хозяйство циркачей. Между повозками колыхались в полуденном зное цветастые пологи шатров, раскрытых к толпе: не будет дождя — топчись народ в давке, да по усердию артистов бросай в плошку монету, прохудится красноватый небосвод — добро пожаловать внутрь, тут уж сколько войдет народу, столько и войдет — человек двадцать — тридцать, не больше, зато интерес другой, вот он, умелец, в пяти шагах

фокусы перед тобой вертит. Дождя пока не собиралось, народ толпился под открытым небом, но стоял только у северного края площади. Ну точно, как раз у шатра слепого старика. И чего, спрашивается, там толпиться? Курант, конечно, мастак мечом махать, так ведь совсем уж одряхлел, только и может, что фокусы показывать с платками да с сундуками. Надо бы хоть раз глянуть, что на этот год старый привез на ярмарку? Толпятся, сучье семя. И ведь не прикажешь ротозеям разбежаться по другим балаганам. Смотрят то, что нравится. С другой стороны, одновременно только два балагана зрителей тешат. Всего повозок двенадцать, представление идет час или чуть меньше, по-всякому выходит, что еще один балаган должен давать представление. Так и есть, под серым шатром перекидывал с плеча на плечо тяжелые шары крепыш с запада. Трое зевак смотрели на него безо всякого интереса, поплеывая под ноги тыквенной шелухой.

— Нет зрителей? — скривил губы Эпп, остановившись напротив здоровяка, и наклонился над деревянной площадкой, в которой сиротливо поблескивала мелкая медная монета. — Что, вся ярмарка в убыток?

— Ничего, — проворчал крепыш, — приноровились уже. Наши все отдыхают, а я для порядка чушки бросаю. С Курантом никто не сравнится, так что мы к нему в пару по очереди идем. Да и старик не из сволочей, два представления делает — утром и в полдень, а к вечеру да ночью, когда самый барыш, отказывает в общую пользу.

— Да на что там смотреть-то? — не понял Эпп. — Он сам же вроде как перестал с мечом упражняться?

— Там и без него есть кому народ дивить, — пробурчал здоровяк. — И женушка его не подарок, все еще в силе, да и приемыши у него как на подбор. Вот ведь каждого, считай, что на помойке подобрал, а теперь, поди ты, сравнись с ними!

Эпп нахмурился, похлопал кулаком по зудящему плечу, вминая кольца кольчуги в раздраженную кожу, и двинулся к балагану слепого. Не мог взять в голову старшина, чем удивлял зевак Курант. Да, несмотря на слепоту, старик был славен как фехтовальщик по всем ярмарочным площадям Текана, в былое время мог выбить меч из руки любого воина. Хотя еще как сказать — настоящие умельцы не бродили по ярмаркам, по крайней мере, Эпп, который и сам был не из последних мастеров, не слышал, чтобы с Курантом скрестил меч хотя бы кто-то

из ловчих, что уж тут говорить о тех, кто рангом повыше? Впрочем, слухи ходили разные. Сколько там у него было помощников? Эпп наморщил лоб, начиная раздвигать зевак рукоятью меча, вспомнил: жена, два парня, один из которых еще и усов на лице не имеет, да девчонка, хрупкая, словно тростинка...

Площадку у своего балагана Курант устроил просторную, огородив ее тонкой цепью, продетой через кольца на забытых в утоптанную землю кольях. Первый ряд зрителей сидел на земле, второй — чуть повыше первых, подсунув под задницы собственные ноги, третьи мостились на деревянных чурбаках или опускались на колени, а уж дальше кто-то стоял, кто-то подпрыгивал, а детвора так и вовсе седлала крепкие плечи замороженных чудным зрелищем отцов. Внимание толпы удерживала узкоглазая девчонка, которая стояла на натянутом между двух опор канате.

— А ну-ка, — вывел из столбняка стражников Эпп, — ходить вдоль задних рядов да присматривать за карманниками. Учил — должны знать. И чтобы не зевать!

Стражники разочарованно забурчали что-то, но Эпп уже и не смотрел в их сторону. Да, старик Курант не терял зря времени, замену подготовил достойную. Неизвестно, какого номера ждали собравшиеся у его балагана, но от выступления девчонки никто не мог оторвать глаз. Даже привычной ругани не слышалось из толпы, которая словно дышала в одно горло, хотя чего было беспокоиться, ну стояла девчонка на канате в пяти локтях над землей, ну жонглировала при этом ножами, мало ли жонглеров на ярмарке тупые железки подбрасывают, даже в торговых рядах...

Эпп присмотрелся и понял. Девчонка стояла на одной ноге, точнее, даже на пальцах одной ноги, удерживая равновесие второй ногой, которая то плавно уходила в сторону, то вытягивалась вперед. И жонглировала она не тремя ножами, а пятью, каждый из которых был на самом деле не ножом, а довольно массивным изогнутым крисом¹, привычным оружием клана Сурна — клана Рога. Да и сама девчонка была черна и узкоглаза, как истинная дочь самого далекого приморского города Текана — Туварсы. Расцвела негодница за последнюю пару лет, чуть округлилась, заплела волосы в три тугих черных косы,

---

¹ К р и с — кинжал с асимметричным клинком и характерно расширяющейся пятой у рукояти.

раскрасила лицо черным и белым, дух захватывает. Такая бы просто прошла между торговыми рядами в этих же самых легких хурнайских шароварах да харкисской рубашке — все торговцы о барыше бы забыли.

— Тьфу, — раздраженно сплюнул на чью-то макушку Эпп.

«Вот ведь чуть не споткнулся на ровном месте, харкисские рубашки вспомнил. Так и накличешь беду на собственную голову. За одно упоминание Харкиса любой урай сто плетей выпишет, а уж за длинные разговоры можно и головы лишиться. Нет уже как десять лет Харкиса и не будет никогда больше. Еще прошлый иша велел сровнять здания мятежного города с землей и засыпать пустырь солью. Все, забыть и не вспоминать».

Эпп вытер со лба пот и тут только понял замороженное молчание толпы. Земля под канатом была усыпана спиралями гиненской колючки. Вот уж никому не пожелал бы Эпп упасть на ее шипы. Конечно, сейчас она не ядовита, тем более, наверное, давно срезана, но упасть на тонкие, почти стальные иглы длинной в палец каждая... А вот вышла и Самана. И не изменилась почти, ей-то, впрочем, ни к чему было меняться, хотя время и жену Куранта не пощадило. Эпп даже засопел, вспоминая, как лет двадцать пять назад он еще почти юнцом сам приходил полюбоваться на стройную жену слепого балаганщика, который в стариках тогда еще не числился. Что теперь осталось от той красоты? Густые светлые кудри да голубые глаза? Погрузнела Самана, раздалась в кости... неужели так и не изменила слепому мужу? Повезло же тогда Куранту, верно, дурочку к рукам прибрал или что-то не так с нею было? Ведь ни одного родного ребенка нет у слепого...

Самана поклонилась публике и подошла едва ли не вплотную к первым рядам. Эпп без труда разглядел, какой петлей связан ее жакет. А жена слепца повернулась к зевакам спиной и чуть присела, согнула ноги в коленях, расставила в стороны руки, что скорее было уместно в мужицкой драке пара кулаков на пару, но Эпп не успел возмутиться. Узкоглазая девчонка размахнулась и метнула в толпу первый крик. Старшина похолодел. Кривой кинжал явно летел в направлении к нему, но Самана резко выбросила руку в сторону и поймала его за рукоять!

— Вот ведь собачья мать, — выдохнул вместе с толпой Эпп и не успел удивиться, что девчонка бросает оружие, которое никак не было предназначено для метания, скорее для тычка,

как уже следующий крик летел в толпу. И снова дружный выдох засвидетельствовал, что Самана с возрастом не утратила резвости и ловкости. Третий, четвертый, пятый... Разве не метала Самана раньше ножи сама? Да нет, именно что метала, а не ловила, вызывала кого-нибудь из толпы, давала ему в руки деревянный чурбачок и втыкала в него десяток ножей с трех десятков шагов. А девчонка-то что ее творит?!

Узкоглазая сделала по канату несколько шагов в одну сторону, потом в другую, затем скользнула вниз, заставив старшину с хрустом сжать кулаки, но не долетела, замерла, повиснув на согнутых ногах в ладони от страшных шипов. Раскачалась, взлетела в воздух, перевернулась и встала на ноги. Тут только толпа восторженно загудела, а из-за полога вышел широкоплечий высокий парень с рыжей бородкой, деловито и ловко снял с распорок канат и начал подгребать колючки. Эпп уже хотел было расхохотаться вместе с публикой насчет неказистого орудия — рукоять у грабель была толщиной в руку крепкого мужика, да еще и торчала щепой во все стороны, но смех застрял у него в глотке. Самана теперь уже сама метнула крик! Рыжебородый уборщик даже не поднял головы, когда кинжал задрожал, воткнувшись в ту самую рукоять. Второй крик, третий, четвертый, пятый! Затем женщина рванула с плеч жакет, и Эпп увидел на ее неожиданно тонкой талии пояс, увешанный метательными ножами.

И снова засверкали стальные лезвия в воздухе. Вал колючек медленно отодвигался к дальней стене шатра, но и деревяшка в руках парня обращалась в стального ежа. Вот уже он вовсе отбросил грабли в сторону и рукой поймал брошенный в него последний нож! Тонкий метательный нож, с тяжелым лезвием с острыми зазубренными гранями. Поймал и тут же отправил его обратно. И Самана ухватила его в каком-то немыслимом прыжке и тоже отправила обратно. Туда — обратно. Туда — обратно. Пока все та же узкоглазая не метнулась молнией поперек площадки и, к восторгу толпы, не перехватила летящий нож, успев к тому же вновь перевернуться в воздухе кверху ногами!

Эпп вытер взмокший лоб и подобрал отвисшую челюсть. Что и говорить, приходилось старшине видеть, как забавляются ловчие иши во дворе крепости, сам не так уж давно учил юных воинов, но и рядом никто из них не стоял с этой немолодой женщиной и ее приемами. Как же их зовут-то? Ну точ-

но, этого рыжего — Харас. Девчонку — Нега. Там же еще бело-головой мальчонка был с тонким шрамом до середины лба, Лук, кажется? Или Луккай? По канату лазил, жонглировал тоже. А этот Харас года два назад бороться выходил с любым из толпы. И тогда никто не мог его взять, вертким был на ужас, а уж теперь-то...

Нега подняла над головой деревянную плоску, показала ее толпе, затем вдруг подкинула посудинку вверх, ловко встала на руки и поймала плоску ногами. И пошла на руках вдоль ряда зрителей, подметая черными косами балаганную площадь и задорно улыбаясь восхищенным зевакам — платите, мол, за доставленное удовольствие. Те, правда, глаз не спускали скорее с ее бедер, которые вдруг оказались прямо перед глазами, а не с плоски, но бечеву на кошельях распускали охотно. Монеты так и зазвенели в посудинке.

— Эх, — довольно хмыкнул тот самый селянин в овчине. — Хоть ходи вслед за повозкой старого Куранта и в каждом городе бросай ему денежку. Ну где еще такое увидишь? Жаль, что сам он уже не тот.

— Постарел? — спросил Эпп.

— А кого время молодит? — обернулся селянин, узрел старшину и испуганно сторбился. — Говорят, что не тот стал. Мечом уже больше не машет. Рука у него, что ли, отказала, пусть и левая. Выходит в самом начале, в сундук кого-нибудь прячет, платок из кармана тянет, и все.

— Есть у него сменщик, есть, старшина, — обернулся толстяк, в котором Эпп узнал булочника из северной слободы. — Подожди, сейчас самое интересное начнется.

От самого интересного Эпп отказываться не собирался, хотя скорее не отказался бы от кувшина холодной воды, вылитой за шиворот, сапоги вот только не хотелось портить, но притягивал к себе балаган Куранта, притягивал. Ведь знал какой-то секрет старый слепец. Когда девчушка на руках мимо старшины проходила, рука у того словно сама собой за монеткой к кошелью потянулась.

Рыжебородый ловко накрыл холстиной горку колючки, и из-за полога показался тот самый Лук. За два года, что Эпп его не видел, мальчишка превратился в крепкого паренька. Нет, он не мог сравниться шириной плеч с Харасом, ростом так и вовсе вряд ли мог рассчитывать догнать названного долговязого брата, но в остальном был не чета тем ротозеям, что и теперь

вместо присмотра за карманниками сопели за спиной старшины. Эпп сразу заметил в ладном парне тот самый избыток силы, когда вроде и ноги тебя несут сами, и руки способны творить чудеса, и во всем теле свежесть не только от молодости, но и от труда и неустанных упражнений.

— Белый, белый, белый! — понеслось в толпе.

Парень и в самом деле был бел, но не сед, а именно бел, как бывает иногда белой городская ворона, одна на тысячу черных соплеменниц. Не дают ей жизни товарки — и недели не поотсвечивает белым пятном в черной стае, заклюют, а вот этого паренька пока не заклевали. Да и не ворона он, а циркач-бродяга, и не в стае, а в гнездышке на колесах под крылом слепца. Что старик приготовил публике на этот раз? А вот и он.

Вслед за Луком на площадке показался сам Курант. Старик явно сдал. Затянутые тонкой кожей пустые глазницы провалились и сделали его лицо похожим на лицо мертвеца. Он прихрамывал, и одна рука его висела плетью. Вторая держала средний хиланский меч с притупленным концом и изрядно зазубренным лезвием. Точно такой же меч был в руках у Лука, который встал посередине площадки.

Старик остановился в пяти шагах от крайнего ряда, усмехнулся и повел головой так, словно видел каждого. Потом воткнул меч в землю и вытащил из-за пазухи деревянную плошку, в которую положил блеснувшую серебром монету. Его голос был глух, но тверд.

— Никакой крови. Если только легкое растяжение кисти. Это я вам обещаю, мой мальчик беречься не будет, вас будет сбергать. Его серебряный против любой монеты, будь это даже медная гиенская чешуя. Нужно выбить меч из руки моего парня и не дать ему выбить меч из своей руки. Правила старые, вот только воин новый. Я слышал тут знакомые голоса, надеюсь, никого не разочарует старое представление на новый лад и никто не будет злиться, что я не выколол своему приемышу глаза.

Публика ответила сдержанным хохотом.

— Сражаться только меч в меч. Напоминаю, — старик поклонился башням Хилана, — схватки с членовредительством запрещены повелением блистательного иши.

— Так давай же! — заорал кто-то из толпы. — Не тяни!

Эпп метнул взгляд влево и заметил молодца из клана Кессар. Да, пожалуй, что состязание с мальчишкой должно было

получаться еще удачнее, чем с балаганщиком. Все-таки не каждый считал достойным биться против слепого старика. Да и сорвать серебряный в обмен на медную чешуйку было соблазнительно.

— Я хочу! — заорал селянин в овчине. — Тем более что монетка у меня самая что ни на есть гиенская чешуйка.

— Давай, только монетку клади в черепушку сразу, — кивнул Курант. И прежде чем побрести обратно к пологу, добавил: — Выиграешь — заберешь обе монетки. Кто-то выиграет после тебя — заберет уже три.

— А если пастух выбьет меч из руки твоего белоголового? — снова подал голос кессарец. — Представление закончится? Что за забава смотреть, как гиенский увалень сражается с юнцом?

— Не волнуйся, — отозвался Курант. — Для хурнайского смельчака, которого я по выговору узнаю даже спяну, у меня всегда найдется еще одна серебряная монетка. Конечно, если он сам не испугается юнца.

Толпа заглушила ответ кессарца хохотом, а гиенец уже выбирался на площадку. Курант кивнул Луку, тот выдернул из-за пояса черный колпак и натянул его до подбородка. Эпп сузил взгляд. Предстоящее действие ему не нравилось. Одно дело сам Курант, который, по разговорам, по шагам мог узнать человека, с коим не виделся десять лет, который когда-то на слух был способен разрубить брошенную ему сливу, но мальчишка, которому вряд ли исполнилось больше шестнадцати лет? Настоящего умения никто еще не достигал раньше, чем через десять лет упорных занятий. Да еще с завязанными глазами? Молод, слишком молод был парнишка для взрослых забав.

Лук встал точно так же, как несколькими минутами раньше стояла его приемная мать, только не пошел к зрителям, а замер в центре круга. Гиенец, который первым делом звякнул медной монетой, с хмыканьем выдернул из земли меч, перебросил его из руки в руку и медленно пошел на Луку. Да уж, прикинул Эпп, расчет селянина был прост. Если как следует ударить по мечу противника, который не ждет удара, то не всякий воин удержит оружие в руках, а уж мальчишка тем более.

Подбадривая себя чем-то средним между рычаньем и уханьем, гиенец шаг за шагом приближался к противнику, который оставался посередине площадки, разве только разворачи-

вался к нападавшему лицом. Лук не двинулся с места даже тогда, когда последний все-таки размахнулся и нанес удар. Разве только отвел меч чуть в сторону. Под хохот толпы гиенец пару секунд недоуменно смотрел на собственные руки, которые едва не упустили меч сами по себе, после чего зарычал чуть громче и попытался ударить еще раз. И снова Лук отвел меч в сторону и позволил зазубренному клинку противника взметнуть площадную пыль.

— Приятель! — заорал из толпы веселый кессарец. — Может, это тебе лучше надеть черный колпак на голову? Все одно не видишь ничего и без него!

— Сейчас посмотрим, кто не видит, — раздраженно откликнулся обладатель овчинной шапки и третий удар нанес уже чуть сдержанней.

Клинок ударился о клинок, сталь заскрежетала, Лук сделал едва приметное круговое движение рукой, гиенец вскрикнул, и его меч, взлетев над головой неудачливого претендента на серебряный кругляшок Куранта, оказался в руке мальчишки.

Толпа восторженно загудела. Эпп довольно хмыкнул. Приемчик, который показал Лук, был простым, ему учили воинов каждого клана в первую очередь, но для того, чтобы применить его так ловко, даже многолетних упражнений не хватило бы, нужен был еще и талант. И у парня он, судя по всему, был. К тому же поймать меч за рукоять, не видя его? А смог бы это сделать сам Курант?

— Я теперь! — довольно заорал кессарец, протискиваясь между зеваками. — Только, старикан, дай мне потеревить тот колпак, а то уж больно ловок твой парень, наверное, вязка редкая, все ему видно?

Курант кивнул стянувшему колпак с головы Луку. Бравый молодец шагнул через цепь, похлопал по плечу пригорюнившегося гиенца и поймал брошенный ему колпак, после чего и сам немедленно натянул его на голову. Лук смахнул со лба пот и смотрел на следующего соперника спокойно, возможно, даже с потаенной улыбкой. Эпп довольно крикнул — чем дальше, тем больше ему нравился белоголовый паренек.

— Не видно ничего, — торжественно огласил собственное впечатление кессарец. — Я, конечно, старик, по первости собирался предложить твоему мальчугану перемахнуться клинками глаза в глаза, но уж больно ловко он пастуха обезоружил.

Поиграем пока по вашим правилам. А то ведь придется Далугаеша приглашать, если и я не справлюсь!

Эпп нахмурился. Словоохотливый выходец из Хурная помянул старшину ловчих. О самом высоком воине Текана ходила слава отличного мечника, о чем Эппу было известно лучше многих, но не всякий бы решился выкрикивать имя старшины ловчих на ярмарочной площади. Непрост был кессарец, непрост. Бросил в плошку не медяк, а серебряный, дождался, когда Лук снова натянет колпак, только после этого подхватил меч, поиграл им, сыпанул чего-то на рукоять, удовлетворенно хмыкнул и пошел на парня, да не прямым, а кругом. А ведь хорошим, наверное, слывет бойцом среди своих, хорошим. Ноги-то правильно ставит. Интересно, чем ответит ему приемыш Куранта?

Эпп стянул с головы подшлемник, вытер им пот со лба и вдруг понял, что давно уже ему не приходилось видеть чего-нибудь такого, чтобы о прочих делах память начисто отшибало. Вот ведь, наверное, воля вольная теперь карманникам? Старшина бросил быстрый взгляд в сторону и усмехнулся. Если и были карманники в толпе, то как раз теперь они и сами смотрели на цирковое действие, разинув рты.

А Лук между тем в этот раз стоять не стал. Сам двинулся по кругу, причем ни на мгновение не отвернулся от кессарца, ни на ладонь не увел в сторону острие меча.

— Ашу мое имя, — хмыкнул воин, продолжая описывать круг по площадке. — Я уж не знаю, кто кого сейчас переможет, но при всяком раскладе приглашаю повозку твоего старика, парень, в Хурнай. Не теперь, так осенью, а хочешь, зиму переждать приезжай. Сам иша Хурнаем зимой не брезгует. Меня там всякий знает, спросишь старшину проездной башни, а там и площадка будет, и место для балагана, и публика соберется.

Речь кессарца текла плавно, словно и не двигался он по утопанной земле, не держал в напряженных руках тяжелый меч. Интересно, казалось Эппу или Лук и в самом деле управлялся с мечом с меньшим усилием, чем его соперник? Так держал оружие, словно клинок вовсе ничего не весил, был продолжением руки.

— Ну что скажешь? — спросил кессарец и в то же мгновение нанес удар.

Острое клинка коснулось клинка Лука и словно прилипло к нему. Мальчишка шагнул в сторону, взмахнул рукой, присел,

перекинул меч из руки в руку, снова вернул его в правую... И все это время он умудрялся не оторвать конец клинка от клинка кессарца! Эпп выпучил глаза. Слышал он об умении выходцев из Хурная поддерживать друг друга мечами на скользких досках, но чтобы сделать то же самое здесь, на твердой земле, да с мальчишкой с завязанными глазами? Понятно, что балаганная площадь — не палуба во время качки, но сделал-то это не кессарец, а сам мальчишка!

— Однако, — вытаращил глаза кессарец, шагнул назад, покачал головой и снова пустился в медленный танец вдоль тонкой цепи. Он успел пройти половину круга, когда отчего-то остановившийся в центре его Лук резко развернулся и сам нанес удар, словно точно знал, в какой точке находится меч его противника. Раздался скрежет, кессарец ловко крутанул кистью, проводя против Лука тот самый прием, которым мальчишка обезоружил гиенца, но младший приемыш Куранта изогнулся и продолжил начатый кессарцем прием вторым оборотом клинка. Противник удивленно вскрикнул и проводил взглядом вылетевший из его руки меч. Тот взметнул пыль в шаге от площадки с монетами. Публика заорала в исступлении. Нет, паренек Куранта не только был драгоценностью, но и огранки явно не требовал. Эпп восхищенно фыркнул, и тут над площадкой повисла тишина.

Старшина так и не понял, прошел незнакомец между зеваками или соткался из воздуха прямо над ограждающей цепью, но гудение и крики стихли, как по мановению властной руки. Только словно шорох-свист понесся от губ к ушам:

— Сиун, сиун, сиун...

И таким же свистом показался голос незнакомца, который скорее напоминал черный степной смерч, чем человека, хотя — вот же и плечи, и силуэт вполне человеческий, и капюшон наброшенного на голову плаща или чернота распущенных волос...

— Колпак сними.

Лук тут же стянул колпак и показался Эппу на фоне черной тени незнакомца еще белее, чем был на самом деле. Сиун, а в том, что это был именно он, старшина уже не сомневался, кивнул, уменьшился вдвое или наклонился, поднял меч, снова обратился смерчем и провел по зазубренному лезвию пальцем. Звук раздался такой, словно коготь у сиуна был из лучшей те-

канской стали. Лезвие окрасилось красным, будто покрылось кровавым потом.

— Меч в меч? — просвистел сиун.

— Меч в меч, — твердо сказал Лук.

— Так, что ли? — рассмеялся черный и взмахнул мечом.

Клинки заскрежетали один о другой. Лук шагнул в сторону, вывернулся и легко выбил меч из руки сиуна. Или просто рука того исчезла, и меч сам упал в пыль. Черный снова рассмеялся, опустил что-то в плоску и... исчез. Или растворился в толпе.

Так растворился в толпе или растаял в воздухе? Да уж, увидеть черного сиуна было не слишком хорошей приметой, и хотя говорили, что черный сиун что-то вроде полоумного среди прочих сиунов, как дурачок среди людей, но Пустота его знает...

Эпп раздраженно потер глаза. У балагана стояла тишина, только шаркали подошвы зевак, которые торопились разойтись по неотложным делам. Лук растерянно вертел головой. Побледневший Курант подходил к пасынку. Над брошенным в пыль мечом, снова обретшим серый цвет, присела Нега.

— Старшина. — Один из ротозеев осторожно коснулся плеча Эппа.

— Что тебе, несчастье собственного отца? — обернулся тот.

— Там... — Молодой воин почти заикался от испуга. — Там, на той стороне балаганной площади... у главного торгового ряда... Там, где висят щиты кланов. На столбе...

— Ну что там? — почти заорал Эпп. — Щит, что ли, какой упал?

— Нет. — Из-за спины ротозея показалась испуганная рожа его приятеля. — Там появился... другой щит.

— Пошли, — похолодел старшина.

Он так и знал. Мысль о харкисской рубахе не могла прийти просто так. Никакой щит, кроме щита клана Зрячих, «другим» быть не мог. Ну разве только кто-то извлек бы из небытия осколок чего-то давно минувшего. Но именно этот... Вот ведь угораздило! Добром это не кончится точно. Осталось только узнать: сразу казнят невезучего старшину или предварительно высекут до полусмерти.

Так оно и было. Среди сверкающих золотом, серебром и цветной эмалью щитов кланов Текана висел и щит клана Сакува — белый с черным глазом посередине. Хорошо хоть не с зо-

лотым. Впрочем, какая теперь разница? Или еще не поздно сдернуть смертельную метку в пыль?

— Что будем делать? — пискнул на ухо старшине недотепа-стражник. — Я без лестницы не заберусь на этакую верхо-туру!

— Полетишь, — зло прошипел старшина, шагнул вперед и замер.

— Эпп! Эпп! — начал дергать его за руку второй из ротозеев, когда тот простоял неподвижно с остановившимся взглядом пару минут. Наконец старшина вздрогнул, задышал, захлопал глазами.

— Эпп! Что с тобой? — заскулил суетливый малый. — Ты шагнул к столбу, а потом словно окаменел. Увидел что или как? Будем снимать щит?

— Нет, — прохрипел старшина.

Глава 2 ПАЛТАНАС

Идти в город с Луком вызвалась Нега. Он даже возразить не успел, как сестра смыла с лица краску, мгновенно натянула на себя любимое льняное платье, спрятала косы под хиланский платок, обратившись в скромную селянку, ухватила за руку названного брата и едва ли не вприпрыжку зашагала рядом. Вроде бы ничего похожего: он чуть повыше, она пониже и значительно тоньше, она в платке, он в колпаке, у него глаза зеленые, у нее — черные, она в льняном в синеву платье, он в серых холщовых портах и такой же рубахе. Ничего похожего, а посмотришь издали, заметишь, как ноги ставят, как спину держат, как руками взмахивают, — ну точно, если и не двойняшки, все одно брат и сестра. Лук давно знал об этом, не раз слышал в спину: одна кровь или вылупки из одного гнезда, — даже удивляться перестал. Вот только сам он не мог понять: сестрой считает Негу или еще кем, все ему чудилось, что больше она ему, чем сестра. И Самана казалась большим, чем мать, хотя бы потому, что возилась с ним как с родным, хотя ни кровь, ни родство не заставляли ее тратить время на упрямого мальчишку. И Курант был большим, чем отец, пусть и не баловал парня ни добрым словом, ни взглядом. Лук даже улыбнулся этой мысли.

Конечно, и не могло быть у старика никакого взгляда, но, когда обращал он на мальчишку пустые глазницы, ему всякий раз казалось, что старик видит его насквозь. Вот Харас был ему братом, мог и по затылку щелкнуть, и посмеяться над младшим, а Нега, Самана, Курант все-таки чем-то большим. Вот и теперь Лук чувствовал пальцы Неги в своей ладони и нет-нет да косил на нее взглядом, все разглядеть пытался, что изменилось в девчонке за последние полгода? Отчего вместо того, чтобы дернуть ее, как прежде, за косу или ущипнуть за девичью округлость, он замирает и словно язык проглатывает? Так бы и смотрел на тонкий профиль, глаз не отводил, но и на высокий столб, возле которого как раз теперь сустились стражники с принесенной откуда-то лестницей, взглянуть хотелось. С озорной улыбкой, пусть и смешанной с болью, взглянуть. Не думал Лук подводить старика, но не смог остановиться, когда под утро народ разошелся и на становище торговцев напал туман. Не удержался, в мгновение вскарабкался по скользкому столбу к щитам, добрался до покрытого белой эмалью щита клана Паркуи — клана Чистых — и ловко вывел углем глаз. Как бы и в самом деле не накатило каких-нибудь бед от его шалости! Впрочем, Куранта вроде бы больше беспокоил сиун? Не просто побледнел старик, затрясся, когда понял, с кем пришлось скрестить меч Луку. Едва сиун исчез, тут же отозвал Хараса, отправил куда-то с поручением. Да, встреча с сиуном, как слышал Лук, плохая примета. Однако напрямую таинственное существо зла никогда никому не делало. Так чего тогда волноваться? Все же хорошо закончилось?

На плече у Лука висел мешок с половинками меча, который, едва публика разбежалась, сам собой развалился на части в его руке, пальцы девчонки стискивали кошелечек, в котором позвякивали три монетки Луки — гиенская чешуйка и два серебряных да горсть медяков, что добавила Самана, заплатить за проход в город. Крохотный глиняный квадратик-печатка от сиуна, с закругленными уголками и отверстием с краю, что обнаружился в плоске, висел у Лука на шее. На одной стороне коричневатой безделушки было изображено солнце, но не тусклое и мутное, которое ползло по летнему, красноватому небу Текана, а ненастоящее, четкое, окруженное короной лучей. На другой стороне — Храм Пустоты. Долго старик ощупывал глинку, нюхал ее, прижимал к щеке. Потом проскрипел, словно месяц не открывал рта:

— Храм Пустоты. Только не знаю, где такой стоит. Не видел такой. На ощупь — словно в колоннах, что ли? Обычно они простенькие, что здесь, в Хилане, что в других местах. Башня, плоский верх, низкий вход. Внутри пустота. Служба-то снаружи идет.

— С чего ты взял, что это Храм Пустоты? — удивился Лук.

— Крапины посчитай на макушке. Сколько их? Двенадцать? Точно так же, как и на знаке любого смотрителя, пусть даже это какой-нибудь вонючий соглядатай-храмовник самого мелкого пошиба. На всяком Храме Пустоты сверху двенадцать зубцов. А если зубцов нет да верхушка круглая, какой же это храм? Тогда это оплот. А на оплоте должна быть дверь. А где тут дверь?

Лук недоверчиво приблизил к глазам изображение. И на взгляд-то упомянутые Курантом «крапины» было нелегко разглядеть, а уж на ощупь...

— И что это значит? — нарушил Лук непривычную тишину. Даже болтушка Нега вдруг примолкла.

— А ничего, — почти безучастно пробормотал старик, словно мысли его уже были где-то далеко.

— А может, это печатка для пряников? — пискнула Нега и тут же затараторила: — А если это и есть всамделишный Храм Пустоты? Ну самый главный? Есть ведь такой? Почему все Храмы Пустоты маленькие, а этот с колоннами? А почему на всех храмах по двенадцать зубцов? А почему мы его не видели? А мы разве не во всех городах были? А что это вообще такое — Пустота? Почему ее все боятся, если она — пустота? Пустота ведь, это значит — «пусто»? Ничего нет? А почему храмовники ходят в жару в черных балахонах? А этот сиун почему был весь черный? Может, он тоже храмовник? Сиуны — кто такие? Колдуны, что ли? Так ведь колдовство запрещено в Текане? А если не колдуны, тогда почему меч Лука сломался, а меч, которым сиун махал, уцелел? Они же одинаковые. Или нет?

— Цыц! — гаркнул Курант, отчаявшись остановить поток словоизвержения жестами, и с раздражением повернулся к жене. — Самана, ты хоть заткни этот фонтан.

— Сам справляйся, — отозвалась от жаровни Самана. — Пока мелочью была, рот не затыкали, теперь уж поздно. Ничего, лишние слова вылетят, тут и примолкнет. Хочешь человека от глупости избавить, дай ему выговориться. Не мешай

мне, скоро Харас овощи принесет с рынка, мне нужно все приготовить. Или куда ты его послал? Ты, что ли, будешь за меня кашу доваривать?

— Вот так вот, — пробурчал Курант. — Пока мелкая была, не давала окоротить, говорила, не трогай девчонку, а то характер переломишь. Теперь выросла — оказывается, раньше надо было окорачивать. Бросай свою кашу, жена.

— Что так? — выпрямилась Самана.

— Так вот, — пробормотал Курант, поглаживая скулы здоровой рукой.

— Может, это храм из какого-нибудь мертвого города? — заинтересовался Лук, продевая шнур в отверстие пластинки. — Ну в том смысле, что его уже нет? Да мало ли в Текане храмов? Да и только ли в Текане? Мы же не могли все углядеть? Разве нет поселений в Вольных землях? Или за горами?

— Хочешь заняться поисками? — поднял незрячее лицо Курант.

— Не знаю, — признался Лук. — Но ведь должен же быть в этом подарке какой-то смысл?

— Иногда смысл как раз в том, что его нет, — отрезал Курант. — А если бы он тебе бросил в плошку речную гальку, ты тоже искал бы в этом какой-то смысл? По-любому обманул ведь. Что говорят про сиунов на ярмарке? Ты ж ходил вчера по рынкам, обещался слухов подсобрать, баек?

— Так-то ничего не говорят, — вздохнул Лук. — А вот если расспрашивать, кое-что узнать можно. Я, правда, о сиунах специально не расспрашивал. Но говорят, что сиуны — это те колдуны, которые перемудрили. Ну или постигли суть вещей. Победили смерть. Или пережили ее. И теперь они как ветер или как дождь. А ты разве не то же самое мне рассказывал когда-то?

Старик снова опустил голову. Так же молча стояла и Самана у котла. Лук помолчал, застегнул ворот рубахи, продолжил:

— Я слышал, что убить сиуна нельзя, даже вся гвардия иши не сможет с ним справиться. Все равно что воду мечом рубить. Впрочем, они и не лезут ни в чьи дела. Их замечают, но и только. Если они сами этого хотят. И еще — их очень мало. Сколько городов, столько и сиунов. Или сколько кланов, столько и сиунов. У каждого свой, выходит?

Старик продолжал молчать.

— О черном сиуне тут болтают порой, да. Мелькает он и в

Хилане, и в других городах, но редко очень, да и зла никому не делает. Иногда по рядам ходит, порой фрукты пальцами плющит, ткани мнет. Озорует. Он вроде как не в себе. Больной, что ли? Если бы я знал, что он нынче появится, я бы поподробнее о нем расспросил. Но говорят, что местный сиун другой. Он вроде каменного столба, только столбов-то в Хилане много, и какой из них сиун, никто не знает. А этот черный — может, и не сиун никакой? Но если сиун, тогда, думаю, что повезло мне и увидеть его, и даже сразиться с ним. Кто еще может этим похвастаться?

Лук заметил дрогнувшие пальцы старика и добавил неуверенно:

— Или не повезло.

— Или не повезло, — наконец подал голос Курант и погрозил пальцем Неге, которая даже глаза выпучила, пытаясь сдерживать очередное словоизвержение. — Болтаешь много, парень, тлен в глаза. От сестры заразился? Забыл правило? Из десяти слов, что на язык просятся, одно вымолвить можно, и то про себя.

Солнце только собиралось сползти с точки зенита, и его свет пронзал внутренность повозки через прорехи в тенте красноватыми иглами. У задранного полога позвякивал развешанной на веревке кухонной утварью ветер, всхрапывали лошади, рядом слышалось гудение толпы — представление продолжалось в других балаганах.

— Выкинуть надо эту безделушку, — проскрипел Курант. — Не к добру она. Все, что от сиуна, — все против человека.

— Ты уже встречался с сиуном, — понял Лук. — У тебя в руках был такой же знак?

— Не было у меня никаких знаков, — ответил Курант. — Но сиуна я видел. Не такого, которого считают придурком. Считай, что это было последним, что я видел. И говорить об этом я пока не хочу. Я правильно понял, что выбрасывать глинку ты не собираешься?

— Правильно, — упрямо мотнул белой головой Лук.

— Тогда будь готов к неприятностям, — тяжело вздохнул Курант. — Хотя на кочку пенять надо, пока не спотыкнулся. Потом уж поздно. Потом только на себя. Вот и отгуляли, считай...

— Хорошо подумал? — поинтересовалась Самана, затягивая волосы в тугий пучок.

— И думать нечего, — пробормотал Курант. — Поздно думать. Я сказал, бросай свою кашу.

— Так бросила уже, или оглох? — спросила Самана.

— Вот, — кивнул Курант и вдруг в мгновение стал собранным и строгим. — Беги к пристани, жена, найди щербатую, я брата ее в толпе слышал. Скажи, что помощь мне ее нужна. Уходить будем. Так-то, парень. Ведь знал, когда брал тебя, что этим все кончится. Ладно, потом обговорим. Пока отправляйся-ка в город, найди лучшего кузнеца, чтобы мог быстро сварить меч. Обходиться надо тем, что есть, даже плохонькие мечи на дороге не валяются. А они нам теперь могут ой как пригодиться. Двух серебряных хватит, может, и одним обойдешься, если деньги останутся, купишь сладостей Неге и Самане. Подсластить надо дорогу.

— Я пойду с Луком, — вскочила на ноги Нега. — А то он по дороге половину съест!

— Пусть идет, я справлюсь, — вздохнула Самана. — У меня во всякий момент все собрано.

— Давай, — кивнул Курант. — Только хорошенько присмотри за дружком, а то я слышу, возня какая-то началась у столба со щитами, мнится мне, без него там не обошлось. Попомни мои слова, парень, шуточки твои до добра не доведут. Собрался яму копать, нечего ленточки на рукоять лопаты вязать. Хотя чего уж теперь, поздно уму учить, если учителя перерос.

Лук покраснел, забросил за спину сумку с мечом и стал спешно выбираться из повозки.

— Не задерживайтесь, — буркнул вслед приемышам старик. — Мало у нас времени, очень мало. Харас встретит вас на обратном пути. Да не светитесь попусту. Чтобы незаметно и неслышно. Как учил.

В ряды со сладостями Лук решил зайти позже, да и не принял всерьез слова Куранта насчет того, что подсластить дорогу старик собрался, поэтому сразу направился к городским воротам. Кузнеца можно было найти и в слободке, и ремонт клинка дешевле бы обошелся, но уж больно Луку хотелось посмотреть Хилан, тем более если старик решил уходить с ярмарки. В прочие города повозка Куранта закатывала как в собственную во-

тчину, располагалась или на площади, или на пустыре, которым обычно ремесленные кварталы отделялись от остальных построек, а вот в Хилан заезжать не приходилось. Всякий раз балаган останавливался за стеной, да и нечего было делать возле Хилана во все прочие дни, кроме первой недели лета, всякий — что артист, что бродяга — старался держаться подальше от высоких стен столицы: еще попадешься под горячую руку какого-нибудь ловчего, ищи потом защиты у урая да приготовься обыскаться. Да и непросто было войти в город, только в дни водяной ярмарки можно было прогуляться по столичным улочкам за одну медную монету, в прочие дни пришлось бы выложить все пять, а уж с повозкой и десятью не обойдешься. Другой вопрос, что как раз в дни водяной ярмарки Хилан пустел, горожане сами уходили из города, кто на день-другой, а кто и на всю неделю. Но Луку-то какое было дело до зевак, торговцев и покупателей? Вот медяки, вот сломанный меч, вот город... Когда еще представится такая возможность? Шагай себе вперед, держи за руку щебечущую сестричку и раскрывай пошире глаза, чтобы все рассмотреть да не упустить ничего.

Сложенные из идеально ровных блоков известняка высокие стены Хилана и сами по себе были красивы: башни тянули их от одной к другой, словно кружевные ленты гиенских пастушек, но над ними вставали еще более красивые башни внутренних крепостей и зубцы замка самого иши. Жаль только, красотами столицы приемышам Куранта предстояло любоваться издали, в центральную часть Хилана Лук не собирался, но и издали было на что посмотреть. Замок иши был сложен из розового хурнайского туфа и в лучах солнца казался вырезанным из лепестков болотной лилии. Даже не верилось, что внутри этого великолепия мог жить обычный человек. По крайней мере, Курант говорил, что иша — самый обычный человек, который удачно родился и сумел потратить большую часть удачи на то, чтобы остаться живым до того самого момента, когда собрание ураев — Большая Тулия — провозгласит его очередным ишей. Да еще сберег достаточно везения, чтобы хватило на долгую властную жизнь. Или недолгую. Хотя что могло угрожать правителю великого Текана? Соперников у него под солнцем Салпы не было. Так что главное — удачно родиться.

— А почему иша перестает откликаться на старое имя и ста-

новится просто ишей, когда его избирают правителем? — осознал очередной вопрос Неги Лук и посмотрел на сестру.

Против обыкновения, она не стала обрушивать на названного брата следующие вопросы, а замолчала, склонив голову к плечу, и Лук в который раз подумал, что так и не заметил, когда говорливая черноглазая девчонка-непоседа обратилась в красавицу. Да не просто красавицу, а такую, равной которой он не встречал ни разу. Исключая собственную мать.

— Ты что так смотришь? — шевельнулись чуть припухлые губы.

— Любуюсь тобой, — вогнал сестру в краску честным ответом Лук и потянул ее за руку. — С чего ты взяла, что он перестает откликаться на старое имя? И какая нам разница? Ладно, пошли быстрее, если старику взбрело уходить с ярмарки, забот еще будет выше тента — сундуки собрать, повозку проверить, лошадей запрячь, шатер свернуть. До вечера можно провозиться. Поторопимся.

— А где мы будем искать кузнеца? — пролепетала Нега.

— В ремесленных кварталах, — пожал плечами Лук.

Ремесленные кварталы находились в северной части города, как раз со стороны ярмарки. В торговых рядах не делали секрета из того, что лучшие мастера обосновывались за стенами Хилана. А среди них встречались и искусные кузнецы, и загадочные оружейники, и еще более загадочные механики, которые вместе с оружейниками изготавливали для гвардии иши согласно строгим канонам страшно дорогие ружья, а помимо того и всякие чудные штуки вроде часов на городских воротах, весов, затейливых замков на любые двери, с которыми так трудно бывало порой разобраться, и хитрых лебедек, с помощью которых обычный человек мог поднять груз в несколько раз тяжелее себя самого. Конечно, все эти мастера если и не торговали своими изделиями, так уж точно бродили между рядами ярмарки или вовсе толпились у одного из балаганов, но один или два кузнеца непременно должны были оставаться у горнов: мало ли что потребуется воинам правителя? Об этом, да еще о странном черном противнике Лук и продолжал размышлять, тем более что Нега вновь зашебетала о чем-то своем, между делом пытаясь выпытать: правда ли ее брат сражается с противниками на слух или что-то все-таки видит сквозь плотную ткань?

Между тем главные ряды ярмарки остались по левую руку, уходя к пристани. У самых городских стен пробираться пришлось уже между шатрами, за которыми поблескивала Хапа и возле пологих которых крутили головами мальчишки-приказчики, присматривая за хозяйским добром. Потом из-под шатров выползла пыльная дорога, обратилась вблизи ворот в мостовую, а там уж и Нега примолкла, придавленная тяжестью кладки, крутизной башен и тонкой резьбой барельефов и бойниц. Горожан у ворот было немного, да и те все больше выходили из города, чем возвращались в него. На жаре изнывали два молодых стражника, которые безо всякого интереса взглянули на деревянные ярлыки артистов и на две медные монеты, которые Лук заплатил за вход, и оживились только тогда, когда парень добавил еще монетку за добрый совет. Совет оказался простым: если имеется нужда в кузнеце, надо входить в город, поворачивать у третьей улицы направо и двигать в ремесленные кварталы, потому как у реки проживает знать, а справа как раз и кузнецы, и ювелиры, и всякий прочий отборный ремесленный люд.

Курант, конечно, объяснил приемшам, что северные ворота не были главными воротами Хилана, вели к торговой пристани и использовались прежде всего торговцами и цеховиками, но и на этой окраине города Лук, против ожидания, увидел чистую, незаплеванную мостовую, тщательно выбеленные фасады двухэтажных каменных домишек и поразился блеску стекол во всех, даже самых крохотных, окошках.

— Зачем? — неожиданно коротко и внятно произнесла Нега.

— Ты о чем? — не понял Лук, вертя головой.

— Зачем нужны решетки на окнах? — пояснила Нега. — Почему во всех домах железные двери? Все боятся Пагубы? Но разве грозит Пагуба горожанам? Разве слуги Пустоты нападают на города? Штурмуют стены? Есть города, которые были покорены ими?

— Я слышал об одном таком городе, — задумался Лук, покосился на водоноса, тянувшего мимо тележку с кувшинами. — Араи его имя. Курант говорил о нем в тот день, когда меня оставили у вас. Помнишь?

— А ты разве помнишь? — открыла рот Нега. — Ты помнишь, что было десять лет назад?

— И десять, и одиннадцать, и двенадцать, — твердо сказал

Лук, останавливаясь у начала третьей улицы, на которой вовсе не было видно горожан. — Двенадцать уже смутно, отдельными днями, даже мгновениями. Но о том, что было десять лет и семь месяцев назад, я не забуду никогда в жизни. Ты хотела бы жить в этом городе?

— Нет, — покачала головой Нега, вглядываясь в ровный, как луч солнца, ряд домов и невольно прижимаясь плечом к названному брату. — Тут все мертвое.

— Разве? — удивился Лук. — Тут все живое, просто слишком чистое. Хилан не похож ни на один город. Кстати, я первый раз вижу такую прямую улицу. Словно попал в лес, где вместо деревьев стоят ошкуренные бревна.

— Вот я и говорю. — Нега вздохнула. — Мертвое. Посмотри. Кругом камень. Ни земли, ни листочка, ни травинки. Вот как тут, к примеру, полежать на траве?

Лук рассмеялся, но тут же оборвал смех, который эхом разнесся по пустой улице, и подмигнул сестре.

— Я слышал, что в замке иши пол покрывают пластины из золота и серебра, и правитель ходит по ним в шерстяных носках.

— А я бы пробежалась босиком, — прошептала Нега и выставила тонкую ногу в стоптанной сандалиии. — И мне кажется, что даже камень будет милее моим пяткам, чем золото или серебро. Как ты будешь искать кузнеца?

— По дыму, — ответил Лук. — Над жилищем кузнеца должен стоять дым. Даже если не слышно ударов молота. Если кузнец продолжает работать и в праздничную неделю, значит, он хороший мастер.

— Или плохой, — хмыкнула Нега. — Не успел сделать работу вовремя и корпит над железом в праздники.

— Так даже лучше, — позволил себе улыбнуться Лук. — Плохой мастер — дешевая работа. Хороший мастер, чтобы заварить неказистый меч, не требуется. Больше монет останется на сладости.

— Я не люблю сладости, — вздохнула Нега. — Самана любит. Харас. Я не люблю.

— Что же ты любишь? — спросил Лук.

— Не скажу. — Девчонка рассмеялась и побежала вперед, оживляя только что казавшуюся мертвой улицу. — Я вижу дым. И молот позвякивает. В самом конце улицы. Мы, кстати,

могли бы дойти до этого домика напрямки, если бы пошли вдоль стены!

Лук постучал по двери деревянным молотком, который висел на короткой цепи, потом ударил по ней ногой и уже подумывал, не вытащить ли из мешка обломки меча и не громыхнуть ли по кованым перильцам, поднимающимся вместе с тремя каменными ступенями к входу в жилище, когда за дверью все-таки заскрежетал засов. В приоткрывшуюся щель над парой натянувшихся цепей высунулся конопатый курносый нос, затем показалось все конопатое, но милое лицо, из тонких губ прошелестело что-то вроде: «ой» или «кто это?». Лук встряхнул звякнувший обломками мешок, и дверь открылась. Из темного коридора повеяло прохладой, впереди мелькнуло серое платье, усилился звон, и, ступая по поскрипывающим деревянным ступеням, Лук вместе со спутницей прошел во двор дома. Проводница, оказавшаяся рыжеволосой круглолицей девчушкой — ровесницей Неги, шмыгнула в сумрак навеса, перед которым охаживал молотом на закрепленной на кряжистом пне наковальне какую-то железку кузнец. Он был не стар, но лыс, морщинист и невысок ростом. Вдобавок кузнец не мог похвастаться особым разворотом плеч, но состоял, казалось, из одних сухожилий. Покосившись на гостей, мастер сбросил зашипевшую железку в кадучку с водой, повесил на крюк, торчащий из столба, щипцы, сложил руки на груди.

— Ты ведь хороший мастер? — спросил Лук. — Работа срочная.

— Спрашиваешь, какой я мастер? — удивился кузнец. — О том за порогом спрашивают, да не у мастера, а у прохожих. Или у тех, кто железо мое пользуется.

— Так пусто на улице, — пожал плечами Лук. — Народу в городе мало, у твоего дома так вообще ни души. Ярмарка. Да и выбора у меня не было, только твой молот звенит, только твой горн дымком попыхивает. Даже имя твое спросить не у кого было.

— Меня зовут Палтанас, — отрезал кузнец, зыркнул взглядом на Негу и протянул руку. — Что у тебя? Утварь в негодность пришла? Или жаровенка перегорела? За срочность приплатить придется.

— Меч, — протянул мешок Лук и едва не уронил его, потому как кузнец отдернул руку.

— Ты же не воин? — отчего-то побледнел Палтанас. — Мальчишка еще. Колпак сними.

— Всякий воин был когда-то мальчишкой, — недоуменно потянул с белобрысой головы колпак Лук.

Кузнец шагнул к столбу, сорвал с веревки тряпицу, вытер покрывшийся потом лоб, обернулся к навесу и крикнул:

— Лала! А ну-ка сбегай в дом, возьми сверток у меня под кроватью да носи его сюда. И кувшинчик вина не забудь.

Кудряшка вынырнула из тени и прошмыгнула мимо Лука, окатив парня заворуженным взглядом и не преминув показать ему язык. Кузнец наконец выдернул у него из руки мешок, вытащил обломки меча, покачал головой:

— Гвозди им рубили, что ли?

— Почти, — кивнул Лук. — А один из гвоздей оказался прочнее других. Сварить надо. Хотелось бы конечно, чтобы меч балансировку не потерял, но уж как получится. Оружие не боевое, мы артисты с ярмарки. Циркачи. Развлекаем публику. И вот, остались без одного меча. У старика есть старенький меч, но он не дает его никому. Бережет.

— Так ты приемыш Куранта? — скривил губы кузнец. — Наслышан, как же. Чудеса о тебе рассказывают. А почему не слепой?

— Да лучше вроде с глазами-то? — хмыкнул Лук и тут же натянул колпак до подбородка. — А я так.

— Два серебряных, — бросил Палтанас.

— Курант сказал, что и серебряного хватит, — расстроился Лук. — Нам же красоты никакой не надо...

— Красота золота стоит, — отрезал кузнец и швырнул обломки меча в корзину. — А серебро беру за прочность. Меч перековывать придется. Иначе обломится в том же самом месте. Меч, конечно, простецкий, но не барахло, между прочим. Хотел бы я посмотреть на этого умельца, что его перерубил.

— И я хотел бы, — продолжил фразу кузнеца Лук. — Не разглядел я его. И перерубил он его таким же мечом. Только ногтем сначала по нему провел. И странно так перерубил — только коснулся, а развалился тот уже после. А перековывать меч долго придется? А то мы спешим...

— Долго, — мрачно бросил кузнец и крикнул через плечо Лука: — Ну что замерла, Лала? Иди сюда.

Девчушка, раскрасневшаяся, как колпак шута-затейника, протянула кузнецу длинный и, судя по всему, тяжелый сверток

и загремела корзинкой, выставляя прямо на наковаленку глиняные чашки.

— Так положено, — пробормотал Палтанас, наполняя чашки из кувшина темным вином. — Нужно выпить. Работа может и год длиться, и два, а рождается меч в тот день, когда покидает кузнеца. Потом-то уж, конечно, как повезет, но и человек тоже так. Рождается, когда выбирается из лона. А там уж будет уходить от смерти, — добавил кузнец вполголоса, — пока однажды не сможет разминуться.

— Нам нельзя, — пожал плечами Лук. — Нельзя пить. Мы все время или работаем, или упражняемся. Я фехтую. Нега стоит на канате. Нельзя пить.

— Губы смочи, можешь не глотать, — кивнул кузнец. — И девчонка пусть губы смочит. Это ж не пьянка, обряд.

— А что за меч-то родился? — не понял Лук, слизывая сладкие капли с губ. — Пока, как мне кажется, как бы не наоборот...

— Не торопись, парень, — хмуро бросил Палтанас. — Все-му свое время. Едешь на заднице с горки не по своей воле — не спеши отталкиваться, вдруг обрыв впереди? Деньги с собой?

— Вот, — выудил две серебряные монеты из раскрытого Немой кошелька Лук.

— Вот и ладно, — кивнул кузнец. Сунул монеты в потертый кисет и шагнул под навес, откуда уже крикнул: — Иди в дом, Лала. И смотри в окно, увидишь Далугаеша — беги ко мне со всех ног. Да не высовывайся потом, пока не уйдет. В чуланчике схоронись! — Вот, — вынес он примерно такой же меч, какой и просил отремонтировать Лук. — Возьми этот. Ничем не хуже твоего, даже и получше. Хотя такой же затупленный. Зато отбалансирован на совесть. Такими молодые ловчие в замке иши забавляются да время от времени приносят мне в починку. Забирай, а я твой сварю и отдам им. Не разберут.

— Подожди, — остановил мастера Лук. — Он стоит дороже двух серебряных. Сломанный меч пока не стоит ничего.

— Считай, что я починил его за два серебряных, и он стал не хуже этого, — поморщился Палтанас. — Бери, не тяни время. Запомни, парень, нет лучшего мастера в Хилане, чем Палтанас, и нет скупее мастера, чем Палтанас, и если я что-то отдаю дешевле, чем кажется, поверь мне, так надо, иначе цена непосильной выйдет. А теперь смотри сюда!

Кузнец сдвинул фартук, и Лук разглядел на крепкой груди

багровый ожог. Красный квадрат с закругленными краями, в центре которого сочилось сукровицей ненастоящее солнце.

— Ой, у Лука такая же... — прошелестела Нега.

— Не рви ворот, — осадил Лука Палтанас. — Верю на слово. Времени нет. Вот. — Он поднял сверток. — Здесь меч. Год я его делал. Не месяц, не два, как обычно, а год. Заказала его какая-то женщина, из знатных, судя по всему, но кто — не знаю, лица не показывала. Отвалила мне за него столько, что я, как мальчишка-подмастерье, все ее капризы выполнял: чего только в сталь не добавлял, как только над заготовкой не измывался. Лала уж замучилась бегать по Хилану — нужные материалы доставать, но в итоге меч я выковал. И вот что я тебе скажу, парень, — это мой лучший меч. Думаю, что это лучший меч и во всем Хилане. В последний день ярмарки я должен был сдать его той самой женщине. Но с неделю назад в мою кузню заглянул старшина ловчих. Страшный человек. По слухам, лучший фехтовальщик Текана. Из тех, кому убить человека легче, чем прихлопнуть комара. Так вот он увидел этот меч. Я как раз полировал его. Увидел и сказал, что забирает его. Бросил мне пять монет серебра и объявил меч своим. Я, конечно, рассказал ему о том, что у меча есть заказчик, но он только рассмеялся и приказал заканчивать полировку. Он придет за мечом сегодня.

— Так почему ты хочешь отдать его мне? — не понял Лук.

— Меч он не получит, — медленно выговорил кузнец. — И не только потому, что я не хотел бы, чтобы лучший мой меч висел на поясе у самого отъявленного мерзавца. Я не воин, парень. У меня есть дочь, за которую я несу ответственность. И выбираю меньшее из двух зол. А та женщина, лица которой я не видел, много страшнее даже Далугаеша. Так мне показалось с самого первого дня, когда я начал работать над ее заказом. И вчера я в этом убедился. Определяй правителя по его слугам. Вчера на ночь глядя в этом дворе появился самый настоящий сиун. Он принес мне ровно ту сумму, которую заказчица обещала заплатить за готовый меч, и сказал, чтобы я отдал новый клинок белоголовому воину, который придет со сломанным мечом завтра.

— То есть сегодня, — потрясенно прошептал Лук.

— Я, хотя еле на ногах устоял, спросил его, — продолжил кузнец, — что мне сказать самому страшному ловчему Текана, который положил на этот меч глаз, но вместо ответа получил

вот этот отпечаток на грудь и слова, что меч забрал сиун. Он сказал, что, увидев этот знак, самый страшный ловчий Текана не будет меня долго мучить. Ты понял? Если что, меч у меня забрал сиун, а уж как он оказался у тебя, не мое дело. Вот тряпка, примотай к нему старый меч, что я тебе дал: если на воротах лентяи захотят посмотреть — сдвинешь тряпицу и покажешь старый. Если Далугаеш узнает, где этот меч, тебе придется худо, парень. А мне так уж по-любому не поздоровится. Не покалечит, и то ладно. Но с сиунами не спорят. Говорят, встретил сиуна — меняй всю свою жизнь. Сразу меняй. Иначе пожалеешь. Правда, не меняет ее почти никто...

— Но почему... — не понял Лук, покосившись на сверток.

— Если ты не знаешь, я и подавно, — прошептал кузнец. — Я встретил сиуна первый раз в жизни и, знаешь, радости никакой не испытал. Забирай сверток. Там меч, ножны и ярлык на ношение оружия. Так вот ярлык тоже принес сиун, и на нем печать самого иши. И ярлык на подателя. Ты можешь это объяснить?

— Нет, — пробормотал Лук.

— Тогда забирай свое барахло и уматывай! — рявкнул кузнец.

— Папка! — закричала с галереи второго этажа Лала. — Далугаеш подходит к дому.

— Сюда! — зарычал кузнец, подталкивая Лука и Негу под навес. — Вот дверь. Дальше коридор, воротца и выход на улочку вдоль стены. Сотня шагов — и вы у ворот. Ясно? И чтобы я вас больше здесь не видел. Дорогу сюда забудьте. Эх, спаси меня и мою дочь Пустота...

Хлопнула дверь, и Лук с Негой оказались в полутемном коридоре.

— Ты что-нибудь понял? — спросила Нега. — Белоголовый воин... Ты разве уже воин?

— Подожди, — отмахнулся Лук, припадая к двери, за которой послышался раздраженный низкий голос.

— Что там? — прошептала Нега, не дождавшись ответа, присела, прижалась к щели и разглядела трех воинов в белых плащах ловчих, один из которых — с длинным носом и спадающими на плечи светлыми волосами, в желтых кожаных доспехах — был выше прочих на голову. Он стоял перед кузнецом и что-то негромко выговаривал ему, на что тот пожимал плечами и тыкал пальцем в рану на груди. Нега услышала

странный звук, подняла глаза и с удивлением разглядела лицо Лука. Припав к той же щели в двери, он скрипел зубами, и по его лбу, скулам, щекам скатывались капли пота.

— Значит, «не будет долго мучить»? — выговорил он сдавленным голосом.

— Ты что? — прошептала она чуть слышно, но Лук не ответил. Нега вновь заглянула во двор и обмерла. Кузнец лежал на земляном полу крохотного дворика с рассеченным горлом, из которого толчками била кровь, высокий воин вытирал длинный нож содранным с несчастного фартуком, а один из спутников убийцы ковырял другим ножом тело. Вот он поднял какой-то окровавленный лоскут, высокий кивнул ему и, развернувшись, двинулся к выходу. Второй его спутник направился к лестнице в дом.

— Ужас, — прошелестела Нега. Она, дрожа, прислонилась к стене.

— Уходим, — прошептал Лук, лицо которого даже в темноте казалось сравнявшимся белизной с волосами, и взял ее за руку.

— Подожди. — Ноги ее не слушались. — Минуту. Как же так...

Она вовсе сползла на пол, обхватила колени руками. Лук присел рядом, положил ей дрожащие ладони на плечи.

— Нега... — Он говорил медленно и тихо, но не шепотом, а так, словно дышал словами. — Надо уходить, иначе я не слажу с самим собой. Больше десяти лет назад я жил в доме урая клана Сакува. В доме своего деда. Как-то утром ему доложили, что у ворот Харкиса остановился смотритель всего Текана в сопровождении полусотни стражников — ловчих иши. Обычное дело, раз в год смотритель появляется в любом городе. Проверяет, как соблюдаются законы иши, чем занят местный смотритель, не расплодилось ли колдуны, не воздвигнуты ли тайные алтари каким-то богам, не нарушают ли каноны оружейники, не оскверняется ли священная Пустота. Но в тот день у главных ворот города прозвучали выстрелы. И началось избиение горожан. Всех. И мужчин, и женщин, и детей. Наш дом примыкал к одной из башен, мы могли вырваться и спастись, но моя мать тянула до последнего, ждала, когда все воины иши войдут внутрь города. И вот, когда рядом с нею остались только я и десяток окровавленных воинов, когда уже было принято решение уходить через башню-конюшню, ворота в которой

только казались заваренными, в дом ворвался отряд ловчих. До второго этажа добрались два десятка вот таких же воинов в белых плащах. И эти трое были среди них! Правда, плащи на них были уже красными. От чужой крови. Нам пришлось прорубаться к нужной двери, даже я отмахивался кинжалом, хотя меня все-таки зацепили в трех местах. Вот этот длинноволосый чиркнул по голове. А потом они убил мою мать, понимаешь? Когда мы пробились к лестнице и ловчих осталось с десятков, она приказала старшине башни спасать меня, шагнула вперед с мечом, она была отличной мечницей, положила в тот день многих врагов. Но один из них махнул рукой, и... они выстрелили в нее из ружей, ее просто разорвало, и я это видел!

— Тихо. — Нега коснулась ладонями лица Лука. — Успокойся. Это было давно. Успокойся. Нам действительно нужно идти. Надо спешить. Кузнецу уже не поможешь.

Из-за двери послышался визг. Оставшийся воин, закинув на плечо мешок с каким-то добром, волочил за собой по лестнице за волосы рыжую девчонку.

— Не успели, — пробормотал с уже посеревшим лицом Лук и начал распутывать сверток. — Минутка у нас есть?

Глава 3 МАЛАЯ ТУЛИЯ

На верхней галерее замка гулял ветер. Выдувал из-под бабок розовых куполов труху прошлогодних птичьих гнезд и разбрасывал ее между резных колонн переходов. Постельничий блистательного иши, Ирхай, раздраженно чихнул, покосился на рослых гвардейцев, что по четверо стояли на обоих концах галереи, вытащил из поясной сумки бумажную полоску и черкнул грифелем пару слов. День не задался: с утра томило сердце, словно торопилось отстучать все волнения на год вперед, ныли суставы, шумело в висках. Добро бы накатили привычные хвори, нет, повеяло чем-то новым, дыхание перехватило, пришлось поклониться правителю и попроситься на воздух, да и тут отдышаться так и не удалось. В глаза лез какой-то мусор, в уши — щебет едва вылупившихся птенцов. Второго спальничего придется выпороть, вчера еще отправлял его к дворничему, чтобы навели порядок на верхних галереях, неужели мозгов не хватило посбивать гнезда? Не из-за этого ли иша с полу-

дня сам не свой? Хотя вряд ли. Правитель, который замечает все вокруг себя, плюет на подобные мелочи.

Ирхай подошел к ограждению и прищурился, взглянув на опускающееся к горизонту солнце. Многие мечтали подняться на верхние галереи, чтобы оглядеть с высоты и город, и окрестности, и Ирхай, когда еще бегал мальчишкой среди дворни и молодых воинов, мечтал о том же, думал, что отсюда, сверху, и солнце окажется ближе. Так нет же, что сверху, что снизу одно и то же. А город? Вот он — у его ног. Словно пласт промытых речной водой пчелиных сот. Поодаль — ремесленные слободы, похожие опять же на кубики сушеного меда, пойманные паутиной заборов и улочек. Между ними и городом — суета ярмарки, торговцы, покупатели, зеваки, которые сверху кажутся меньше муравьев. Чуть правее — пристань, лодки, широкая серая лента Хапы, устье Блестянки, земли вольных, темная громада Дикого леса. Когда ветер с востока, иногда город наполняется запахом чащи. И тогда сердце Ирхая сжимается от ужаса.

У южного купола застучали каблучки. Ирхай оглянулся и вздохнул. По галерее, в ореоле развевающихся лент и кружев, бежала Аси. На ее лице блестели слезы. Жена иши плакала нередко, неужели правитель посмел обидеть ее и сегодня?

— А, это ты? — Она хотела скрыть слезы, но, разглядев неуклюжую фигуру пожилого постельничего, опустила руку, не стала мочить рукав атласного платья.

— Вава обидел тебя? — спросил Ирхай.

Только сама Аси, постельничий да старшина Тулии Мелит — старший брат иши — позволяли себе называть ишу по имени, но и то лишь тогда, когда этого не мог услышать кто-то другой. Не считая личного телохранителя иши, который следовал за правителем неотступно, но как Хартага сам называл ишу, Ирхай не знал. Постельничий вообще не слышал, чтобы Хартага произнес хоть слово. Могло оказаться, что он нем. Интересно, а когда иша ласкал жену, он отсылал Хартагу куда-нибудь?

— Нет. — Аси, которая к тридцати с лишним годам сохранила свежесть кожи, высокую грудь и тонкую талию, раздраженно трянула золотыми кудрями. — Он меня не обидел... словом. Но он зол. Он разговаривал так, словно его пальцы были опущены в раскаленные угли. И когда он просил меня уйти, он говорил, не разжимая зубов. Он сказал, что не ждет

меня этой ночью. Он пошел в зал совета, там Квен и Мелит. Вава... он напуган. — Аси сбивчиво зашептала: — Мне тоже страшно, Ирхай. Беда. Нам всем грозит беда, я чувствую!

— Успокойся. — Ирхай удивился схожести ощущений, коснулся кончиками пальцев локтя ишки, которая обречена была остаться бесплодной, пусть и не только потому, что у иши не должно быть наследника. — Сейчас я пойду и все разузнаю. Не представляю ни одной неприятности, которая могла бы пошатнуть Текан. Не плачь. У мужчин тоже бывают трудные дни, а твой муж — первый мужчина всей Салпы. Самого сильного быка запрягают в самую тяжелую повозку. Ему тяжелее прочих.

Аси кивнула, всхлипнула и побежала к южному куполу, от которого начиналась крутая лестница в ее покои. Гвардейцы разошлись в стороны, пропуская правительницу. Нет, на верхней галерее было хорошо. Дышалось легче, не пахло копотью из масляных ламп. Да и не наблюдалось ни суеты, ни угодливых физиономий вельмож, ни испуганных рож челяди. В самом деле, кто еще, кроме стражи, мог подняться на верхние галереи? Одна лестница проходила через покои ишки, другая вела наверх из покоев иша. И та и другая охранялась ветеранами гвардии. Выходит, только сам иша, ишка, две ее сестры, Ирхай, Хартага да один из двух братьев иши? Может, и не стоило разорять гнезда? Когда-то Аси восхищалась щебетом птенцов. Да уж. Нелегкая судьба выпала дочери урая Хилана. Кем она была в двадцать с небольшим? Засидевшейся в девках красавицей, на которую однажды обратил взор сын урая Хурная, робкий и обстоятельный долговязый парень, начинающий сидеть с юных лет кессарец Вава? Знал ли он, что станет ишей? Вряд ли. Никто этого не знал. Прошлый иша был еще не стар, править бы ему и править. Тогда отчего Вава выбрал Аси? Да, ее старшая сестра Тупи была замужем за Мелитом — старшим братом будущего иши, и это могло послужить поводом для знакомства, но не для женитьбы. Что Вава нашел в Аси? Пленился ее кудрями и тонким станом? Но у младшей сестры Аси — Этри — и стан тоньше, и кудри гуще, пусть они и пепельного, а не золотого цвета, да и на лицо она явно красивее своей сестры. Да и что толку от стана, если Аси не может иметь детей? Почти сразу после знакомства с Вавой заболела, простудилась, упав в ледяную воду Хапы, едва не лишилась разума, ни с кем не разговаривала больше года. Целый год заново

училась ходить. Долго приходила в себя. Но впервые улыбнулась, когда увидела именно Ваву, который, к тому времени став ишей, в свою очередь не забыл о веселой смешливой девчонке, не согласился на предложение будущего тестя обратить внимание на его младшую дочь, решил навестить среднюю. Тогда Аси и пошла на поправку. И вот как срослось: Аси не может иметь детей, а ише нельзя иметь детей, и, кроме Аси, ему никто не нужен. Вот так-то.

Ирхай оглянулся, вздрогнул, услышав хруст под ногой. Наклонился, разглядел выпавшего из гнезда и раздавленного птенца, раздраженно сплюнул и тяжело задышал. Все-таки следовало выпороть спальничего. Постельничий кивнул, соглашаясь сам с собой, и поплелся к лестнице в покои иши, проклиная спину, вздумавшую заболеть в самом начале лета, и отказывающие ему в этот день голову, суставы и сердце.

Иша, несмотря на вечерний час, и в самом деле отыскался в зале совета. Он сидел в мягком высоком кресле, закутавшись в темно-красную тунику, ежился, словно под оклеенными кожей вебря сводами гуляли зимние сквозняки, тянул к выложенным перед ним на бронзовое блюдо раскаленным углям руки. За его спиной, присев на высокий хурнайский стул, замер напоминающий сжатую в комок пружину Хартага с коротким копьём в руке. Справа на широкой скамье сидел, опустив голову, старший брат иши — старшина Тулии седой Мелит. Три ступенями ниже, в центре округлого зала, стоял посеченный шрамами и морщинами воевода гвардии Квен.

Ирхай привычно упал у порога на колени, хотя мог преклонить только одно из них, поднялся, ухватившись за резной дверной косяк, и поплелся к правой скамье. Если уж делить неурочные посиделки, то со спокойным и мудрым Мелитом. Тем более что иша и в самом деле был не в себе. Обычно спокойные глаза его провалились, поблескивали искрами тревоги и ненависти. Пальцы слегка подрагивали.

— Ты слышал? — глухим, словно растерявшим все высокие ноты голосом обратился к постельничему иша. — Ты слышал? Я приказал высечь старшину северной башни, а Квен снял у него с руки лоскут кожи, да еще вздумал защищать негодяя.

Лоб иши покрывал болезненный пот. Волосы торчали слипшимися клоками.